

- Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2020) Analysis of human – artificial intelligence interactions: from communication theory to social communication analytics. In: *From artificial intelligence to artificial sociality: New research problems of modern social analytics* / Ed. by A.V. Rezaev. Moscow: VTSIOM: 164–187. (In Russ.)
- Sociology of education. Additional and continuing education.* (2017). 2nd ed. Moscow: YURAYT. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Frumin I.D. (2022) Education as a source of action that improves structures: theoretical approaches and practical tasks. *Voprosy obrazovanija* [Educational Issues]. No. 1: 116–137. (In Russ.)
- Vershlovsky S.G. (2008) *Continuing education: historical and theoretical analysis of the phenomenon: monograph* / S.G. Vershlovsky. St. Petersburg: SPbAPDPO. (In Russ.)

Received:07.02.23. Final version: 04.08.23. Accepted: 15.08.23.

© 2023 г.

Ю.В. ЛАТОВ

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ТЕХНОСОЦИАЛИЗМ» СОЦИАЛИЗМОМ?

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваемая в статье концепция «техносоциализма» Б. Кинга и Р. Пэтти – сочетание полуфантастической утопии и антиутопии, отражающей противоречия общественного сознания западных технократов, увлеченных внедрением в бизнес цифровых технологий, но видящих неоднозначность его последствий. Основные контр-аргументы сводятся к трем позициям. Во-первых, самые совершенные технологии пока не только не могут обеспечить высокий уровень жизни всему человечеству, но даже в странах «золотого миллиарда» на внедрение базового безусловного дохода не хватит средств. Во-вторых, потенциальная возможность гарантировать благосостояние для всех нереально, если существующие в обществе институты блокируют перераспределение материальных благ и жизненных возможностей от элиты к малоимущим. Самое главное, в-третьих, удовлетворение человеческих потребностей без участия в совместном труде чревато деградацией личности и общества. Модель «техносоциализма» оказывается поэтому не только невозможной на данном этапе развития, но и опасной. Представленный в книге (2022) концепт полностью подходит под охарактеризованный еще в «Манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса «буржуазный социализм» со всеми его недостатками и достоинствами. Главный положительный результат, который может принести обсуждаемая книга, – бросить вызов тем обществоведам, кому близка социалистическая идея.

Ключевые слова: техносоциализм • социализм • технократия • базовый доход • марксизм • автоматизация

DOI: 10.31857/S013216250027784-5

Существенным критерием «спорности» междисциплинарных интервенций является ситуация, когда инноватор обращается к «широкой публике», обещая просто и доступно изложить небывалые открытия, до которых раньше не додумались специалисты. Такие больше популярные, чем научные работы, к тому же становящиеся бестселлерами, интересны специалистам как оригинальная возможность, с одной стороны, лучше понять особенности восприятия сложных научных идей не только массовым сознанием (читателей), но и научным сознанием не-специалистов (авторов). С другой – при взгляде «со стороны» нередко обнаруживаются нетривиальные аспекты, которые аксиоматичны для специалистов и потому ими мало рефлексированы, но важны для комплексного понимания проблемы. Хрестоматийный пример – произведения

популярного во второй половине XIX в. немецкого философа Е. Дюринга, в полемике с которыми Ф. Энгельс создал первый образец комплексного изложения марксизма как целостного учения об обществе.

«Техносоциализм»¹ Б. Кинга и Р. Пэтти тоже относится к подобным работам, которые можно позитивно использовать. Авторы излагают ошибочную позицию, но разбор их книги дает хорошую возможность прояснить идеологию современных западных технократов и уточнить сущность более глубоких представлений, соотнося новейшие технологические инновации и мечты о социализме.

«Вкальвают роботы», счастлив человек?» Основная мысль «Техносоциализма» хорошо изложена в предисловии к книге, принадлежащем Г. Клуру, предпринимателю и бизнес-консультанту, который к тому же претендует на «изобретение» самого термина «техносоциализм». Хотя книга Кинга и Пэтти издана на языке оригинала в 2021 г., она отражает идеи, активно циркулирующие уже треть века. Г. Клур утверждает, что про «техносоциализм» он впервые начал говорить еще в 1988 г. с приехавшими в США из разных стран (в т.ч. из СССР) студентами Международного космического университета. Советский социализм тогда уже стал восприниматься как провал, но желание построить иной «социализм» отнюдь не пропало.

Суть предлагаемой альтернативы довольно проста: «Что было бы, если бы вы могли удовлетворять индивидуальные потребности с помощью технологий? – пишет в предисловии Г. Клур. – Само собой разумеется, такие быстроразвивающиеся технологии, как искусственный интеллект и робототехника, могут привести – и в конечном счете приведут – к другой форме социализма: такой, в которой все ваши потребности окажутся удовлетворены при помощи инноваций. Что произойдет, если жилье, еда, медицина, энергия, образование и транспорт будут качественными и почти бесплатными благодаря таким инновациям? Вы получите то, что я называю техносоциализмом» (с. 11)². Кинг и Пэтти уточняют, что для оплаты почти (но все же не абсолютно) бесплатных потребительских благ будет достаточно безусловного базового дохода (ББД), который станут получать все люди. Искать работу окажется не только не обязательно, но и трудно, поскольку новые технологии, основанные на роботизации, вытеснят живых работников, так что «работы на всех не хватит» (с. 353). Чем же тогда будут заниматься люди? «Мы либо устроимся на работу, увеличивающую наш безусловный базовый доход [если ее повезет найти. – Прим. Ю.Л.], либо сможем всю жизнь учиться, либо со страстью отдадимся какой-то более широкой социальной деятельности, а можем и посвятить жизнь нивелированию ущерба, нанесенного нашей планете» (с. 353).

Вспоминается гиперпопулярная в 1980-е гг. песня из кинофильма «Приключения Электроника», экранизации фантастических детских повестей Е. Велтистова: «До чего дошел прогресс: / Труд физический исчез, Да и умственный заменит / Механический процесс! / Позабыты хлопоты, / Остановлен бег. / Вкальвают роботы, / А не человек!» Трудно отделаться от ироничной мысли, что кто-то из советских студентов в 1980-е спел эту песню своим американским преподавателям, те восприняли ее всерьез и развернули в многостраничную концепцию, которую теперь российскому читателю преподносят как новейшее достижение западного обществоведения.

На самом деле идея, будто технологический прогресс сам по себе способен привести к искоренению социального неравенства, восходит к античным временам. Известен «технологический» аргумент из «Политики» (330–320-е гг. до н.э.) Аристотеля в защиту рабства: «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они “сами собой (αυτομάτους) входили в собрание богов”; если бы ткацкие челноки сами ткали... тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы» [Аристотель, 1983: 380].

¹ Кинг Б., Пэтти Р. Техносоциализм. Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок. М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2022. 610 с.

² Здесь и далее в тексте ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках.

Как видим, современные западные технократы буквально повторяют ту же самую мысль. Разница лишь в том, что в античной Греции самодвижущиеся предметы были заведомой «сказкой» (как скатерть-самобранка), а в современных развитых странах это повседневная реальность, либо ожидание ближайших лет.

Вопрос, способен ли технологический прогресс действительно сам по себе решать социальные проблемы, активно обсуждается со времен промышленной революции, когда автоматические орудия труда стали реальностью. Элементом этой дискуссии является, например, марксистская теория производительных сил и производственных отношений: новые орудия и предметы труда создают материальные предпосылки для новых социально-экономических отношений, многовековой вектор изменения которых действительно направлен на повышение свободы людей, но превращение этих предпосылок в реальные изменения происходит не «автоматически», а через противоборство социальных групп (классов). С 1960-х гг. это обсуждение происходит в основном в рамках постиндустриального дискурса [Уэбстер, 2004]. Давно признано, что примерно с середины XX в. рождается «новое индустриальное» (оно же – постиндустриальное, информационное) общество, где социальная структура качественно отличается от отмирающего индустриального общества [Латов, Тихонова, 2021]. Но по вопросу, может ли совершенствование орудий и предметов труда вести к отмиранию эксплуатации и неравенства, доминируют отрицательные ответы. Более того, даже на уровне фантастической литературы о будущем подчеркивается, что новые технологии могут стать инструментом не ослабления, а усиления угнетения и эксплуатации (эта мысль присутствует уже в «1984» Дж. Оруэлла). На фоне осторожного постиндустриального дискурса³ оптимизм авторов «Техносоциализма» выглядит сильно преувеличенным.

Основные контраргументы можно свести к трем позициям. Во-первых, самые совершенные технологии пока не могут обеспечить высокий уровень жизни не только всему человечеству, но даже «золотому миллиарду». Во-вторых, потенциальная возможность обеспечить благосостояние для всех не перейдет в реальность, если существующие в обществе «правила игры» блокируют перераспределение материальных благ и жизненных возможностей. Наконец, в-третьих, обеспечение полного удовлетворения человеческих потребностей без личного труда просто опасно, поскольку чревато деградацией личности и общества, поэтому модель «техносоциализма» не только невозможна в ближайшем будущем, но и опасна, если бы была возможной. Все эти три аргумента фигурируют в критике Д.А. Давыдова [2023б]. Автор статьи считает необходимым только уточнить теоретические основы этих аргументов и предложить несколько иную общую оценку «техносоциалистической» теории.

Невозможность техносоциалистической мечты? При чтении книги возникает ощущение контраста между частыми рассуждениями авторов о проблемах стран догоняющего развития (один из авторов, Пэтти, с 1990-х гг. долгое время жил и работал в КНР как элитный бизнес-менеджер) и отсутствием даже постановки вопроса о применимости своих предложений в этих странах. Дав в финале книги краткое описание техносоциализма как единственной позитивной модели будущего, авторы указывают, что ББД должен быть «принят в качестве глобального стандарта для стран, в которых уровень безработицы составляет 30% и более из-за внедрения технологий и изменения климата» (с. 531). Идея глобального стандарта правомерна: если в одних странах ББД внедрять, а в других нет, то современная миграция из отстающих стран в развитые возрастет еще сильнее. Но насколько же нужно повысить эффективность технологий, чтобы бесплатно удовлетворить базовые потребности во всех странах мира?

Предлагая в качестве пороговой величины 30% безработицы, авторы не поясняют, о какой именно безработице идет речь. Ведь кроме явной безработицы (человек в трудоспособном возрасте не работает, но ищет работу) есть скрытая безработица (работают за гроши, но

³ В «Техносоциализме» вообще нет ссылок на теоретиков постиндустриализма, а Маркса и марксизм авторы хотя и упоминают, но только как маркеры того подхода, от которого они решительно отмежевываются. Такое сознательное игнорирование существующего академического дискурса – характерная черта «воинствующего» дилетантизма.

рады бы найти «хорошую» работу). Названная цифра кажется очень большой, однако в последние годы, например, в ЮАР она была еще выше (до 35–40%). В самых густонаселенных странах планеты, в КНР и в Индии, официальные показатели безработицы ниже 10%, но зато велика (в Индии – до 3/4 населения) доля работающих бедных. Можно ли в ближайшие десятилетия ввести безусловный базовый доход, существенно превышающий прожиточный минимум хотя бы в этих двух – не самых бедных на планете – странах? Ответ очевиден.

Надо иметь в виду, что если развитые страны переживают постиндустриальный переход, то страны догоняющего развития (включая Россию) не вполне завершили освоение даже индустриальных технологий. Догоняющее развитие – социально-экономическое развитие «третьего мира», пытающегося сократить отставание, но пока лишь с локальными примерами успеха [Нуреев, 2022], – является глобальной проблемой, которая отражена в «Техносоциализме» (в отличие от менее острой климатической проблемы) на удивление слабо. Книга написана так, будто весь мир принципиально не отличается от родной для обоих авторов Австралии. Но в странах за пределами «золотого миллиарда» пока страдают не столько от постиндустриальных технологий, вытесняющих людей, сколько от невозможности освоить эти технологии.

Впрочем, в другом месте своей книги авторы формулируют более умеренное – и более реалистичное – предложение: уже не все, а только «развитые страны должны внедрить ББД» (с. 478). Правда, реалистичность тоже очень относительная: по оценке Р.И. Капелюшникова, внедрение ББД на уровне черты бедности в современных США потребует расходов, равных примерно половине госбюджета [Капелюшников, 2020: 117]. Но через несколько десятилетий, скорее всего, этот проект будет для наиболее экономически развитых стран уже не так фантастичен. В таком случае его внедрение как «глобального стандарта» следует рассматривать как очень долгосрочную задачу, к решению которой станет возможным подступить хорошо если через полвека.

Авторы, похоже, сознательно допускают схожесть своей книги с научной фантастикой, которая указывает на принципиальную возможность желаемого будущего, но не берётся подробно и реалистично описывать пути его достижения. В частности, в книге всерьез рассматривается вопрос, «чому колонизация Марса может научить нас в плане экономики» (с. 515–518)⁴. В настоящее же время за пределами технических возможностей даже самых развитых стран находится колонизация не только Марса, но и Луны. Таким образом, контраргумент о нехватке ресурсов для глобального внедрения «техносоциализма» в принципе может парироваться тем, что Кинг и Пэтти пишут не о ближайшем будущем (2020–2040-е гг.), а о достаточно отдаленном (вторая половина XXI в.)⁵. Может быть, если не нынешнее, то следующее поколение землян сможет жить при «техносоциализме»?

Кто даст «счастье для всех, даром»? Более весом второй критический аргумент – что принципиальная возможность «благосостояния для всех» не перейдет в реальность без социальной революции, которую авторы принципиально отвергают.

Почти все основные идеи «Техносоциализма» (включая идею «переваливания» труда людей на искусственно созданные орудия и предметы труда) могли быть высказаны еще во времена неолитической революции – перехода от присваивающего хозяйства к производящему примерно 10 тыс. лет назад. Именно тогда новые технологии (земледелие и животноводство) сделали возможным обеспечение всем людям благосостояния не за счет изъятия из беднейшей природы всё большего количества продуктов, а путем использования возобновляемых и неограниченных (по меркам того времени) ресурсов. Однако развитие общества после

⁴ Интересно в этой связи отметить, что хотя на постиндустриальный научный дискурс авторы нигде не ссылаются, но упоминают знаменитую фантастическую трилогию современного американского фантаста Кима Стэнли Робинсона о колонизации Марса землянами в XXI–XXIII в. на основе эгалитарно-демократических принципов организации общества.

⁵ Кстати, название книги в русском переводе заставляет читателя предположить, что «новый миропорядок» создается у них на глазах. Но оригинальное название (буквально – «Восход техносоциализма. Как неравенство, искусственный интеллект и климат откроют новый мир») однозначно указывает, что «новый мир» еще только предстоит «открыть».

появления технологий систематического производства избыточного продукта пошло по пути не эгалитаризма, а, наоборот, усиления социального неравенства. Что же помешает элитным группам и сейчас, в эпоху НТР, присвоить львиную долю выгод от очередного скачка эффективности производства, как это происходило раньше?

Авторы видят эту возможность монополизации элитой выгод от технологий: «Технологический прогресс способен как помочь нам преодолеть самые острые проблемы, так и усугубить неравенство и разделение» (с. 42). Среди негативных альтернатив «техносоциализму» Кинг и Пэтти описывают, в частности, «Неофеодализм», когда корпорации тратят миллиарды на политический лоббизм, чтобы монополизировать выгоду своим акционерам и сотрудникам. В результате «технофеодалы будут править человечеством в течение сотен лет, а некоторые глобальные корпорации обретут такую же власть, как целые правительства и нации, но при этом окажутся гораздо богаче» (с. 528)⁶. Но на вопрос, кто и как заставит доминирующие в современном обществе элиты предпочесть «техносоциализм», а не «неофеодализм», авторы ответа не дают.

Акторами социальных перемен могут быть государство, бизнес и организации гражданского общества, но авторы не доверяют никому из них. Все три рассмотренных ими негативных сценария будущего («Неофеодализм», «Луддистан» и «Банкротостан») построены именно на том, что какая-то из этих трех сил доминирует и делает неправильный выбор. Если власть захватывают корпорации, то это приведет к «Неофеодализму». Ничем не лучше «Луддистан» – перспектива будущего, где «правительства начинают активно поддерживать тех, кто не доверяет науке и технологиям в целом» (с. 525). Уже в предисловии Г. Клуря заявлено, что «весь смысл техносоциализма в том, чтобы удовлетворить потребности всех, устраняя при этом вмешательство государства» (с. 13). В результативность массовых движений авторы тоже не верят, считая их дорогой к «Банкротостану»: «Протесты с разнообразной повесткой постоянно охватывают весь мир. Демократия приводит к быстрой циклической смене краткосрочного большинства, что... приводит ко всё более неэффективному управлению» (с. 526).

При описании рождения «Техносоциализма» в качестве актора изменения фигурирует «человечество»: оно «вступает в несколько десятилетий [авторы явно понимают, что «техносоциализм» удастся построить *очень* не скоро.– Прим. Ю.Л.] активности реформаторских движений, направленных на борьбу с неравенством, введение всеобщего базового медицинского обслуживания (глобально), применение технологий в здравоохранении, смягчение последствий изменения климата и т.д.» (с. 530). Совершенно непонятно, почему вдруг в техносоциалистическом сценарии люди забывают о личных и социально-групповых интересах и «все вместе – ученые, технологи, корпорации, экономисты и политики – объединяются, преодолевая границы, чтобы решить глобальную проблему изменения климата» (с. 531). Для победы позитивного «техносоциализма» над тремя негативными альтернативами явно потребуется социальная революция – качественное изменение «правил игры». Но для авторов революция – не механизм перехода к новому строю, а деструктивная угроза, которую надо при помощи «техносоциализма» (в частности, внедрения ББД) предотвратить. В результате вопрос об акторах и социальных механизмах предлагаемых авторами радикальных реформ остается без ответа⁷.

⁶ Данное авторами описание позволяет предполагать, что и здесь они ориентировались не столько на научную футурологию (в рамках которой о неофеодализме на основе монополизации бизнес-элитой новейших технологий писал, например, И. Валлерстайн), сколько на традицию западной антиутопической фантастики – от «Железной пяты» Д. Лондона до «Видоизмененного углерода» Р. Моргана.

⁷ Не в оправдание, но в объяснение позиции авторов «Техносоциализма» надо учесть, к какой социальной группе они относятся. Взглянем на профессиональный статус их и авторов восторженных отзывов на книгу, которые цитируются на первых страницах российского издания: Б. Кинг – консультант по вопросам цифровой трансформации (особенно в сфере банкинга), предприниматель (основатель Movenbank); Р. Пэтти – экономический и политический консультант, предприниматель (член советов директоров компаний США и Австралии); среди авторов отзывов – бывший президент Международной федерации бухгалтеров, бывший председатель Американского института дипломированных общественных бухгалтеров, исполнительный редактор «Technology, American Banker», автор бестселлера «The Future of Finance» и т.д. Это – не просто технократы, как охарактеризовал

Можно ли на этот вопрос дать ответ, не разрушая полностью концепцию «Техносоциализма»? В принципе вполне можно представить «Техносоциализм 2.0», более леворадикальный. Для этого надо к нынешней книге лишь добавить утверждение, что борьбу за внедрение новейших производственных и социальных технологий (включая ББД) должны сознательно возглавить специалисты/профессионалы – люди с высоким образованием, занимающиеся креативным трудом (сами Кинг и Пэтти относятся именно к ним). Ведь концепция нового социального класса, который должен перехватить власть у «старых» предпринимателей и политиков, развивается уже более столетия, от Т. Веблена (основоположника технократизма) до Р. Флориды (исследователя креативного класса). Соединение «техносоциализма» (описания цели) с технократизмом (описанием акторов борьбы за эту цель) настолько напрашивается, что отказ Кинга и Пэтти от идеи технократической социальной революции кажется алогичным. Вероятно, их пугает ассоциация революции с масштабным насилием, но история знает немало крутых перемен вполне мирным путем (например, именно так в 1930-х был основан «шведский социализм»).

Новые технологии – «хищные вещи века»? Но главная проблема «Техносоциализма» не в том, что его авторы не продумали сроки и механизмы достижения той цели, которая кажется им благой, а то, что предлагаемая цель – совсем не благая.

Предположим, что через несколько десятилетий (если не в XXI, то в XXII в.) новые технологии станут настолько высокоэффективными, что сделают возможным всем людям планеты бесплатно дать по крайней мере жизнеобеспечивающий доход. Предположим, что эта потенциальная возможность перейдет в реальность, когда профессионалы/специалисты осознают себя новым прогрессивным классом, проникнутся новой постмарксистской (или постлиберальной) идеологией и совершат социальную революцию, которая качественно демократизирует власть и собственность. Либеральные опасения перед Левиафаном государства могут при этом сомкнуться с марксистским концептом отмирания государства как отчужденного от общества механизма управления. И ради чего будут совершаться эти грандиозные производственные и социальные преобразования?

Вспомним, как авторы «Техносоциализма» излагают свои представления о том, что станут делать люди в новом мире, который возникнет в результате внедрения высоких технологий и новых социальных институтов. Во-первых, полагают Кинг и Пэтти, можно в принципе устроиться на работу, увеличивающую безусловный базовый доход. В конце концов, аксиоматично, что при самом высоком уровне автоматизации кто-то должен будет сложную технику чинить и совершенствовать под меняющиеся задачи (вспомним хотя бы про перспективу освоения Марса). Однако поскольку работы не хватит на всех, то для очень многих (не менее 30% трудоспособного населения) умеренность в потреблении станет, судя по всему, результатом не только сознательного выбора, о чем с энтузиазмом пишут авторы, но и физической невозможности роскошествовать на ББД.

Во-вторых, можно «всю жизнь учиться». Такое занятие понятно, как дополнение к труду. Однако если труд станет невозможен, то не понятно, чему и зачем учиться. Можно, конечно, для внутреннего совершенствования учиться чему-то заведомо непрактичному (иккебане, латинскому языку, альпинизму...), но каковы будут стимулы к такой «учёбе ради учёбы»?

В-третьих, можно «со страстью» заниматься «какой-то более широкой социальной деятельностью». Возможно, здесь имеются в виду искусство и те функции управления, которые нельзя переложить на ИИ. Из-за полного отсутствия детализации возникает ощущение, что у авторов книги при перечислении будущих видов занятости исчезает фантазия, поскольку они описывают то, что мало пересекается с их собственным опытом. Себя они в числе живущих на ББД безработных явно не видят.

В-четвертых, можно «посвятить жизнь нивелированию ущерба, нанесенного нашей планете». Попытка Кинга и Пэтти «выгнать в дверь» трудовую деятельность привела к тому, что

«техносоциалистов» Д.А. Давыдов, но профессиональные экономисты-практики, специалисты по финансам и цифровым технологиям. От членов такого профессионального сообщества трудно ждать не только компетентности в социологической проблематике, но и осознания ее важности.

она «пролезла в окно»: ведь «нивелирование ущерба» – это труд лесников, биологов, химиков и работников многих других специальностей. Чтобы очистить от мусора и эрозии земли, воды и воздух, восстановить биоценозы до уровня хотя бы кануна промышленной революции, работы на Земле хватит не на одно столетие. Наконец, перспектива освоения Марса и других планет (ведь при «техносоциализме» «человечество осознаёт себя мультипланетарным видом» (с. 530)) создает новый фронт и неограниченный спрос на труд именно живых людей. И даже если нет полномасштабной работы для 30% взрослого населения, то почему бы не сохранить занятость, сократив рабочий день и/или рабочую неделю?

Тезис о скором исчезновении труда из-за тотальной автоматизации производства авторы могли бы сформулировать более жестко, избавившись от противоречий в своей картине будущего. Достаточно ввести утверждение, что в перспективе ИИ полностью заберет контроль над развитием человечества в свои руки, давая людям будущего достаточно «хлеба и зрелищ», но отстранив их от какого-либо управления производством. Технологический прогресс при этом, скорее всего, остановится, но для обеспечения стабильных нужд стабильного количества земледельцев производственных возможностей хватит. Такой сценарий «техносоциалистического» будущего более логичен, но переведет его из утопии в антиутопию. Впрочем, и то нелогичное будущее, которое предлагают авторы, – где не менее трети землян не могут работать и живут на ББД, развлекаясь бесцельной учебой и «широкой социальной деятельностью», – имеет явные оттенки классической антиутопии. Подозрительно похоже и на мир элоев из «Машины времени» Г. Уэллса, и на «Дивный новый мир» О. Хаксли.

Прогнозируемая авторами возможность полного удовлетворения потребностей людей без затрат труда является сама по себе угрозой человечеству – более страшной, чем социальное неравенство. Ведь именно совместный труд является главным механизмом социализации человека в обществе, создает само общество.

Наиболее последовательно идея необходимости совместного труда для человека и общества проводится в ортодоксальном марксизме. Высшей целью социальной борьбы при этом считается освобождение от всех форм принуждения к труду, но при этом желанным состоянием рассматривается не отсутствие труда, а свободный (самостоятельно выбранный) труд как двуединый процесс расходования человеческих сил и достижения сознательно поставленных целей. Конечно, марксизм отражает в значительной степени реалии XIX в., когда труд большинства работников носил в основном физический характер. Сейчас, спустя полтора века, хорошо видно, что труд как расходование «рабочей силы» снижает значение, хотя даже сугубо интеллектуальные виды труда (труд ученых) эту характеристику сохраняют. Более важным становится труд как самореализация творческой личности, как базовое условие ее развития.

С точки зрения высокой значимости совместного труда как главного механизма воспроизводства социализации вызывают определенные сомнения, в частности, те перспективы цифровизации образования, которые вслед за авторами «Техносоциализма» приветствует Г.А. Ключарев [2023]. Вполне возможно, что цифровые технологии гораздо лучше будут передавать студентам знания, чем столетиями используемые лекции и семинары. Однако вуз дает не только профессиональные знания, но и общение со сверстниками, значимые социальные связи, умение участвовать в коллективной дискуссии и многие другие неформальные знания и навыки. Новые цифровые технологии принципиально не заменяют личного общения учащихся друг с другом и с преподавателями, поэтому остаются только дополнением к традиционным лекциям и семинарам.

Что касается возможности устранить социальные проблемы путем удовлетворения потребностей людей без их участия в труде, которую якобы создают высокие технологии, то существующие обществоведческие парадигмы ее пока всерьез не рассматривают, поскольку она остается за горизонтом возможного. Но постепенное приближение линии горизонта к этой проблеме давно замечено, только не в академической футурологии, а в научной фантастике, где праздно-благополучное систематически подвергается критике. Примеров тому много. В ранее упоминавшихся «Приключениях Электроника» пародируется как раз замена человека высокоэффективным ИИ. Заменить нерадивого школьника человекоподобным

роботом удается, только человеку это пошло во вред. Лишенный привычной среды общения (для школьников главный труд – учёба), он буквально выпадает из жизни и очень скоро требует от робота отдать назад свой учебный труд. Наивные надежды, что вкальывают роботы, счастлив человек, – терпят крах.

На более взрослом и более общем уровне эту проблему еще раньше, в 1960-х, осветили А. и Б. Стругацкие в повести «Хищные вещи века». Они предложили даже более простой вариант «техносоциализма», чем у Кинга и Пэтти: открыт новый дешевый электронный наркотик, создающий ярчайшие галлюцинации, в которых наркоман исполняет все свои желания; хотя прием этого наркотика не разрушает здоровья, но желание снова и снова повторять блаженство формирует сильнейшую психологическую зависимость, так что потребитель теряет связь с реальностью. Сюжет подмены «плохой» реальной жизни «хорошей» иллюзорной в фантастике последних десятилетий эксплуатируется очень широко, вспомним голливудскую «Матрицу».

Действительно, зачем при помощи высоких технологий реально обеспечивать людям почти бесплатные потребительские блага, если для счастья достаточно дать только чувство обладания всеми мыслимыми и немыслимыми благами? А для создания красивой иллюзорной реальности, заставляющей пренебрегать «серой» фактической реальностью, много возможностей уже сейчас – разнообразные наркотики, электронные игры, создающие «постправду» средства массовых коммуникаций. Новые технологии, если бы они обеспечивали всем желающим высокое потребление без личных усилий, стали бы лишь еще одной разновидностью всех этих «хищных вещей века». Поэтому нужно только радоваться, что «счастье для всех, даром» пока является скорее мифом, чем реальностью.

«Техносоциализм» как новейшая версия «буржуазного социализма». Зададимся вопросом, является ли предложенная модель хоть в какой-то степени социалистической. Д.А. Давыдов отвечает на этот вопрос резко отрицательно. Но у основоположников марксизма можно найти несколько иной ответ.

В хрестоматийном «Манифесте Коммунистической партии» (1848) авторы специально разбирали разные виды социалистической литературы (фактически – идеологии), и в качестве одной из разновидностей выделили «консервативный, или буржуазный, социализм». Это было написано 175 лет назад, но великолепно подходит для характеристики «Техносоциализма»: «Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата» [Маркс, Энгельс, 1955: 453–454]. У Маркса и Энгельса есть и очень саркастическое, но на удивление современное определение той социальной группы, к которой относятся Кинг и Пэтти, – это «часть буржуазии», желающая «излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества. Сюда относятся экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкоотравчатые реформаторы самых разнообразных видов» [там же: 454].

Если сделать поправку на юношеский максимализм авторов «Манифеста», то налицо поразительно точная характеристика идей и авторов «Техносоциализма». Они – действительно профессиональные экономисты и предприниматели, сторонники социально ответственного («филантропического») бизнеса, озабоченные благосостоянием «трудящихся классов» и предотвращением деградации природы. Они действительно, как и их предшественники позапрошлого века, отрицательно относятся к революционному движению: «Единственный способ предотвратить революцию – решить некоторые из наиболее фундаментальных проблем...» (с. 322). Выступая за довольно радикальное «изменение материальных условий жизни», Кинг и Пэтти под ним понимают «не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений» [Маркс, Энгельс, 1955: 454]. Они ведь и сами пишут,

что при техносоциалистических преобразованиях «капитализм перестраивается» (с. 51) – только перестраивается, а не преодолевается.

Есть у авторов «Техносоциализма» черты и другого «ошибочного» (с точки зрения авторов «Манифеста») социализма – «критически-утопического». Они действительно похожи на утопистов двухсотлетней давности (особенно на Р. Оуэна – тоже передового предпринимателя) упрощенным представлением о механизмах предлагаемых социальных изменений: «Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов» [Маркс, Энгельс, 1955: 455].

И все же это социализм, пусть в основном консервативный, но не реакционный. Если рассуждать не в логике «кто не с нами, тот против нас», а по принципу «кто не против нас, тот с нами», то в этом «буржуазном социализме» нетрудно увидеть и позитивные черты.

В современном мире социалистическая идея переживает, мягко говоря, трудные времена, поскольку мейнстримом в нем стала идея не прогрессивного развития общества в целом, а защиты прав разнообразных меньшинств (этнических, религиозных, сексуальных и т.д.) [Давыдов, 2023а]. Подобные «социализмы» Маркс и Энгельс посчитали бы реакционным, возрождающим средневековую борьбу за сословные права. От такой идеологии авторы «Техносоциализма» однозначно далеки. Это тот случай, когда плохое знакомство авторов с современными социалистическими концептами (которые ревизию «устаревшего» марксизма осуществили не самым лучшим образом) объективно оказалось во благо. Их апелляция к человечеству как «мультипланетарному виду» парадоксально гораздо ближе к классическому марксизму, который рассматривал передовой класс как защитника объективных интересов именно человечества в целом.

Что касается социальных предложений Кинга и Пэтти, то они, конечно, аморфны и несовершенны, однако однозначно вредными не являются. Обсуждение внедрения ББД уже стало важным дискурсом о сознательном выборе оптимального пути к «благополучию для всех». Д.А. Давыдов опасается, что внедрение ББД чревато капитализацией социальной сферы и тем самым шагом не к социализму, а от него. Но в «Техносоциализме» эта идея занимает отнюдь не первостепенное место. Вряд ли стоит подозревать Кинга, Пэтти, Клугу и стоящих за ними технократов в том, что они выдумывают нетривиальные картины будущего только ради того, чтобы в настоящем «прихватизировать» образование и здравоохранение.

Если «техносоциалистическая» концепция популярна среди предпринимателей-«эксплуаторов», это не обязательно связано с их классовым коварством и стремлением строить ловушки. В конце концов, и Р. Оуэн, и Ф. Энгельс были как профессиональными предпринимателями, так и основоположниками социалистической теории. Ведь классовый статус – не единственная идентификация личности. Конечно, «буржуазный социализм» – не самая научная разновидность современной социалистической мысли. Но она имеет существенные преимущества перед «социализмом меньшинств».

Самая главная положительная роль, которую может сыграть «Техносоциализм» и близкие к нему произведения, – это роль вызова для тех профессиональных обществоведов, кому близка социалистическая идея. Если в период гибели советской социалистической системы идея социализма была дискредитирована, то в наши дни она снова становится «модной». Но научную социалистическую теорию, адекватную комплексу современных институциональных условий (в частности, развитию высоких технологий и роли профессионалов/специалистов как нового ведущего социального класса), еще предстоит создать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

Давыдов Д.А. Марксизм в плену у интерсекциональности // Социологические исследования. 2023а. № 2. С. 125–136.

Давыдов Д.А. Техно(крато)социализм: критический взгляд на идеи Б. Кинга и Р. Пэтти // Социологические исследования. 2023б. № 9. С. 117–129.

- Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Вопросы экономики. 2020. № 8. С. 95–127.
- Ключарев Г.А. Навстречу будущему: размышления о техносциализме и непрерывном образовании // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 130–139.
- Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (к 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2. С. 6–27.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
- Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2022.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

Статья поступила: 17.07.23. Принята к публикации: 17.08.23.

IS “TECHNOSOCIALISM” SOCIALISM?

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. The main counter-arguments against the “Technosocialism” by B. King and R. Petty can be reduced to three positions. Firstly, the most advanced technologies so far cannot not only provide a high standard of living for entire mankind, but even in the countries of the “golden billion” there will not be enough funds to introduce a basic unconditional income. Second, the potential to ensure prosperity for all will not translate into reality if existing institutions in society block the redistribution of wealth and life opportunities from the elite to the poor. Most importantly, thirdly, ensuring the satisfaction of human needs without participation in joint work is simply dangerous, since it is fraught with degradation of the individual and society. The model of “technosocialism” is therefore not only impossible at the present stage of development, but also dangerous if it were possible. The concept of “technosocialism” turns out to be a combination of a semi-fantastic utopia and dystopia, reflecting the contradictions of the Western technocrats’ public consciousness, who are passionate about the introduction of digital technologies into business, but see its ambiguity. This concept with all its shortcomings and advantages fully fits the “bourgeois socialism” described in the “Manifesto” by K. Marx and F. Engels. The most important positive role that Technosocialism can play is the role of a challenge to professional social scientists who are close to the socialist idea.

Keywords: technosocialism, socialism, technocracy, basic income, marxism, automation.

REFERENCES

- Aristotle. (1983) *Works*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023a) Marxism Captured by Intersectionality. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2: 125–136. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023b) Techno(crato)socialism: a critical look at the ideas of B. King and R. Petty. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 9: 117–129. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2020) Universal basic income: does it have a future? *Issues of Economics [Voprosy ekonomiki]*. No. 8: 95–127. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2023) Towards the Future: Reflections on Technosocialism and Lifelong Education. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 9: 130–139. (In Russ.)
- Latov Yu.V., Tikhonova N.E. (2021) New society – new resource – new class? (to the 60th anniversary of the theory of human capital). *Terra Economicus*. Vol. 19. No. 2: 6–27. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955) *Manifesto of the Communist Party*. In: Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: State publishing house of political literature: 419–459. (In Russ.)
- Nureev R.M. (2022) *Economics of Development: Models for the Formation of a Market Economy*. 2nd ed. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Webster F. (2004) *Theories of the Information Society*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Received: 17.07.23. Accepted: 17.08.23.